

зантийская монета и до какого времени обращались те или иные ее типы (т. е. состав и география кладов). При подготовке генерального каталога византийских монет нужно, видимо, не ограничиваться эмиссионной задачей, но ставить также и исторические цели. Работа Хана — значительный шаг к подготовке такого каталога, но при его подготовке необходимо учитывать и методы исследования, разработанные Кротопкиным. «Исторический» метод в очень большой степени свойственен также и работе М. Ф. Хенди, посвященной византийской монете конца XI—XIII вв. (см. ВВ, 33, 1972, с. 239—241). Если Кротопкин исходил из данных, относящихся к определенному ареалу находок, то Хенди подошел к материалу, как и Хан, с генерализирующей позицией, однако он не ограничивал себя проблемой эмиссии, но уделил пристальное внимание функционированию монеты в византийской экономической и социальной действительности.

А. К.

D. Papanthou. Actes du Prôtaton. Paris, 1975 («Archives de l'Athos», VII), XIII+320 p., XL pl.

Очередной том «Архивов Афона», подготовленный Д. Папахрисанфу, содержит 14 актов, относящихся к Афонскому протату — от сигиллия Василия I 883 г. до грамоты прота Козмы 1500 г., а также несколько документов, помещенных в Приложении. Все акты, за исключением двух поздних заметок из архива Ватопеда (Приложение II), уже были изданы ранее, и многие из них давно введены в научный оборот. Однако далеко не все из них известны в научных изданиях: Папахрисанфу не только исправляет частные ошибки своих предшественников, но в некоторых случаях публикует текст по оригиналу, а не по поздним копиям, как это имело место ранее (например сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г. — № 11). Издание оригиналов строго соответствует дипломатическим принципам, вплоть до графического размещения надстрочных знаков.

Акты Протата по своему составу отличаются от обычных монастырских архивов Афона: основное место среди них занимают документы, регламентирующие организацию монашеской жизни на Св. Горе (сюда относятся прежде всего уставы Иоанна I Цимисхия, Константина IX Мономаха и Мануила II Палеолога — № 7, 8, 13), и грамоты императоров и патриархов, где рассматривается общее положение Афона. Непропорционально большое — в сравнении с другими архивами — место занимают здесь ранние акты — конца IX и X в. (шесть первых грамот, не считая устава Иоанна Цимисхия, т. е. половина всех документов). Эти ранние акты весьма существенны для изучения социальной структуры Византийской империи: в них мы встречаемся с земледельцами, вступающими во время тяжбы от лица «всей сельской общины» (№ 4.7—8, 942 г.); с распродажей эпитом Солуни класм¹, которые переходят в собственность (№ 4. 16, 24. Об этой продаже см. также № 5.11—12, 942/3 г.) земледельцев; с попыткой монахов монастыря Иоанна Колову не только подчинить себе всю Афонскую гору, но и поставить подвизающихся на ней аскетов «под свою парикию» (№ 2.22—24, 908 г.) — этот один из наиболее ранних случаев упоминания византийской парикии заслуживал бы специального комментария. В ранних актах встречаются два важных термина — «харистикий» и «пропия», однако еще не в их техническом значении, характерном для более позднего времени. Согласно грамоте 908 г., монахи монастыря Иоанна Колову в начале царствования Льва VI сумели обманчивым путем получить «документ о пожаловании» (χαριστικῆς τόπου), в результате чего установили свое господство на Афоне (№ 2.9—13), — издательница, ссылаясь на работу Э. Арвейлер, рассматривает эту «харистику» как дарственную грамоту (с. 183). В той же грамоте говорится, что монахи Колову должны «пользоваться таким же попечением (προνοίας) (как и обитатели Афона) и (=но) обладать собственностью (κατέχειν) только в округе Иериссо» (№ 2.7—8; ср. № 3. 9—10, 934 г.). Для изучения социальной стратификации византийского общества на рубеже IX и X вв. весьма важен сигиллий Василия I, где выделяются следующие общественные категории: «от стратигов, царских людей до последнего человека, наделенного службой (βουλίσιαν)», а также частные лица и крестьяне, вплоть до работающих на мельнице» (№ 1.12—14); иначе говоря, общество представляется законодательно состоящим из чиновников разных рангов и простолюдинов. Большой интерес представляет также хрисовул Романа I и Константина VII, изданный в 934 г., т. е. одновременно с новеллой Романа I в защиту «бедняков»: хрисовул из архива Протата заставляет задуматься над тем, кого именно имело в виду правительство Романа I, говоря о «бедняках»; он, во всяком случае, защищает афонских старцев от «притеснений, ангарий и поборов» со стороны епископов, архонтов и им подобных (№ 3.13—15). Если епископы и архонты полностью ответственны «динатам» в законодательстве Романа I, то афонские старцы, по естественной оппозиции к ним, занимают место «убогих». Наконец, грамота 908 г. способствует лучшему пониманию термина «проастий», неоднократно вызывавшего споры: в ней говорится, что монахи Колову пытались использовать Афон как «пастушеский

¹ О класме см. также: Осипова К. А. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО, 1961, с. 174—185.

проасти» (№ 2.25—26), — в данном случае понимание термина как «пригород, подгородный участок» не представляется возможным.

Из обильного материала по византийской просопографии нашего читателя особенно должно привлекать несколько моментов. Протоспафарий Фома Цула был в 942 г. крупным чиновником в Солуни (№ 4.13—14, № 5.16, 35, 43). Вполне возможно, что Георгий Цула, протоспафарий и стратиг Херсона около 1016 г., принадлежал к этой же фамилии, и в таком случае вопрос о херсонском происхождении Цула нуждается в пересмотре. На грамоте 942 г. стоят кресты Василия Гаразда и ловчего Димитрия Непривада, земледельцев из Иериссо (№ 4.1—2). По всей видимости, эти фамилии — славянского происхождения. Возможно, что славянского происхождения и топоним Хлумуца (№ 2.14).

Для истории византийского мировоззрения очень любопытен пространный и риторический сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г. В нем мы сталкиваемся с характерным для средневекового пониманием свободы: то, что монахи Афона пользовались полной свободой и превратили свою территорию в «не имеющую господина» (*ἀδέσποτον*), отнюдь не представляется патриарху благом (№ 11.73—79). «Потоком свободы» монахи были увлечены прочь от порядка (№ 11.86), приверженцы свободы, они нарушили каноны (№ 11.92—93). Ни сигиллий Нифонта, ни сопровождающий его хрисовул Андроника II от 1312 г. (№ 12) не нарушили сколько-нибудь серьезно афонской независимости — они установили лишь обряд конфирмации афонского рота патриархом; центр тяжести постановления патриарха лежит, как нам кажется, не в сфере политической борьбы, но в области мировоззрения: свобода и безвластие, в отличие от античного общества, мыслились в Византии отнюдь не как достоинства.

Описание документов, их палеографический анализ являются образцовыми. Можно возразить лишь против предлагаемой датировки копий первых трех документов: сигиллия Василия I, акта Льва VI и хрисовула Романа I и Константина VII. Как указывает Д. Папахрисанфу, эти документы представлены написанными на одном листе пергамента древними копиями, выполненными одним писцом. Издательница относит время изготовления копий к XII в. (со знаком вопроса) и считает, что писец подражал при этом почерку X в. (с. 177). Нам кажется, что копии с указанных документов были сняты не в XII в., а в X в.; нижней границей для датировки копий является 934 г., дата издания самого позднего документа данной группы: XII столетие, по нашему мнению, нигде не проявилось в почерке писца копий, его почерк типичен для писца-профессионала первой половины X в. (см. табл. I—IV). Весьма вероятно, что эти копии были изготовлены в Солуни, возможно, в канцелярии стратига, — для такого заключения достаточно сравнить их выработанный почерк с почерком написанных на самом Афоне документов № 4—6, 942—943 гг. (см. табл. V—X).

Значение рецензируемой книги не ограничивается публикацией актов. Работа содержит самую полную на сегодняшний день историю Афонского полуострова, начиная с периода до заселения его монахами до X в. включительно, характеристику организации Афона и историю Протата: вновь составленный Д. Папахрисанфу список протов (с. 129—150) полнее перечня Ж. Дарузеса, опубликованного в 1963 г. В книге содержится множество интересных наблюдений, сделанных в процессе анализа византийских источников (особенно это относится к периоду деятельности Афанасия Афонского); ряд наблюдений имеет общее значение; так, Папахрисанфу приходит к выводу, что иконоборчество не породило массовой эмиграции монахов из Малой Азии (с. 12), останавливается на роли ивилов в ранней истории Афона (с. 83—85), показывает, что правительство Константина IX предпринимало попытки ограничить экспансию афонских монастырей (с. 107).

А. К., Б. Ф.

Новое издание произведений Андрея Ливадина.

Ὁδ. Λαμφίδης. Ἀνδρέου Λιβανίου βίος καὶ ἔργα. (Πηγαὶ τῆς ἱστορίας τῶν Ἑλλήνων τοῦ Πόντου, 1). Ἀθήναι, 1975, 309σ.

Творчество византийского ритора XIV в. Андрея Ливадина оставалось до сих пор практически неизученным: можно было назвать лишь две статьи М. Параники, содержащих пересказ данных основного труда Ливадина «Путевые записи» («Περιηγήσις») ¹, да краткие замечания в общих обзорах византийских источников ². Сочинения Ливадина использовались в конкретных исследованиях, преимущественно по истории Трапезундской империи, но и это использование было затруднено, так как

¹ Παράνικα Μ. Περί Ἀνδρέου τοῦ Λιβανίου Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Τραπεζουήτου. ΚΕΦΣ, 7, 1874, σ. 7—15; Ἡ Τραπεζουή κατὰ τὸν Ἰ᾽ αἰῶνα — ИРАИК, 4, 1899, вып. 1, с. 186—203; ср. *idem*. Beiträge zur byzantinischen Litteratur. Diss. München, 1870, S. 23—42.

² См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 422; Colonna M. E. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Napoli, 1956; Моравсик Г. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 219; Попова Т. В. Литература Трапезундской империи. — В кн.: Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, с. 304 (с неточностями).